

УСАДЬБА В КЛИНУ

От специального корреспондента «Комсомольской правды»

— Я живу, как птица небесная, — говорил Чайковский, и эти слова можно было бы поставить эпиграфом к истории его большой и прекрасной жизни.

Да, он был подобен птице перелетной. До поселения сначала в окрестностях Клина, а потом и в самом Клину он не имел своего постоянного жилища. Детство его протекало на Урале, отрочество и юность — в Петербурге, а могучий талант расцвел в Москве. После «московского периода», когда композитор создал свои первые музыкальные произведения, в его жизни наступила полоса непрерывных странствий по России и за ее пределами.

Если взять карту и на ней провести линии от Москвы к местам пребывания Петра Ильича, то эти линии протянутся более чем к 150 точкам, обозначающим города и различные населенные пункты мира. Он изъездил вдоль и поперек свою необъятную страну, а также бывал в Польше, Чехословакии, Швейцарии, Франции, Германии, Италии, Англии, США. В одни города или поместья своих друзей и родичей он приезжал для того, чтобы работать, в других появлялся как автор и дирижер, совершая очередную концертную поездку. Бессмертного певца человеческой души восторженно чествовала Прага, и он писал тогда: «Я очень полюбил этих добрых чехов. Да и есть за что! Господи! Сколько было восторгов, и все это совсем не мне, а голубушке России». Как триумфатора-музыканта встречали его в Варшаве и Париже, в Берлине и Лондоне, Нью-Йорке и Вашингтоне, во многих других городах Европы и Америки. Перед творцом «Евгения Онегина» открывал двери вице-канцлер Кембриджского университета, где Чайковский получил ученую степень доктора музыки...

Но как ни льстили его артистическому самолюбию все эти почести, как ни радушны были друзья и родные, у которых ему приходилось жить, он не мог не уставать от

своих бесконечных странствий. В восьмидесятых годах, когда ему перевалило за сорок, он стал все чаще и чаще поговаривать о жизни и работе в собственном «тихом уголке». Чайковский решил поселиться где-нибудь под Москвой. «Я не могу больше, — писал он, — довольствоваться кочеванием и хочу во что бы то ни стало быть хоть где-нибудь у себя дома».

Выбор пал на дачу в Майданове под Клином. Здесь Петр Ильич любовался милой его сердцу российской далью с полями и перелесками. Однако с наступлением лета очарование уголка пропало. «И красивый парк, и хорошие виды, и чудесное купанье — все это отравлено дачниками», — сетовал он. Вскоре композитор переехал во Фроловское, расположенное опять же неподалеку от Клина. Здешняя местность казалась ему «раем небесным». Но «рай» продолжался недолго. Через два года лес вырубил, гулять стало нелегко, и это огорчило Чайковского. «Господи, — восклицал он, — до чего исчезновение леса меняет совершенно характер местности, и до чего это печально!» Перемены во Фроловском заставили его ненадолго вернуться в Майданово, а некоторое время спустя он поселился на окраине Клина, в доме с небольшим садом, окруженным огородами. Его дню его приезда здесь все было на своем месте: и рояль, и скромная мебель, и шкафы с книгами, и нетная библиотека. Близкие постарались сделать так, чтобы он чувствовал себя в новом жилище как можно лучше и покойнее.

Чайковский остался «ужасно доволен» своими двумя просторными комнатами на втором этаже — кабинетом-гостиной и спальней. Он говорил: «Здесь я гораздо более у себя, а прогулок очень много, и весьма удобно, ибо я живу на самом шоссе, так что в дождь могу гулять, не утопая в грязи». Но не только удобства усадьбы и ее живописные окрестности пришлись ему по

душе. Из Клина он мог без особых дорожных затруднений общаться с общими столпами, с которыми его неразрывно связывали как личные, так и общественные музыкальные дела.

В доме парил раз навсегда заведенный порядок. Хозяин вставал в 7—8 утра, за чаем просматривал газеты и почту, затем работал или отвечал своим многочисленным корреспондентам. Перед обедом выходил на прогулку — всегда один, сосредоточенный, погруженный в свои мысли. После обеда снова работал, а вечером играл на рояле или читал.

Работал Петр Ильич в спальне, за простым сосновым столом, у окна, выходящего в огороженный забором сад. Стоило ему посмотреть прямо перед собой, как он видел деревья, цветы, посаженные им самим, даль полей, облака над ними. «Мне дома очень хорошо, — заявлял он, — и заниматься я нигде не могу с таким удовольствием, как здесь».

В часы занятий на парадной двери дома под медной дощечкой

П. И. Чайковский

появлялась другая, выдвигная дощечка:

Дома нет, просьба не звонить.

Был период, когда Чайковский, живя в Клину, по его собственному выражению, «каждый день рожал по музыкальному чаду». Тут, в спальне, за своим скромным рабочим столом он написал 3-й фортепианный концерт, несколько романсов, пьес для фортепиано. И тут же была создана потрясающая по своей силе, глубоко волнующая музыкальная повесть о жизни человека — 6-я (Патетическая) симфония, которой гордился сам композитор, считавший ее «наилучшей и наиискреннейшей»: «Я ее люблю, как никогда не любил ни одно из других моих музыкальных чад».

Чайковский прожил в клинском доме без малого два года и очень привязался к нему. Но странствия все же продолжались. Приходилось часто выезжать то в Москву, то в Петербург, а иногда и за границу. Однако теперь уже он всякий раз возвращался из

поездки к себе домой. В одном из писем с дороги к брату, Модесту Ильичу, жившему у него, мы находим такие строки: «Как я завидую тебе, что ты в Клину, даже как бы ревную тебя к моему милому клинскому убежищу».

Последним днем Чайковского в Клину был день 7 октября 1893 года. Петр Ильич провел его в обществе гостей — виолончелистов Брандукова и Поппавского. Утром хозяин показал им несколько только что полученных писем, среди которых были и курьезные. В одном из писем его приглашали принять участие в концертах где-то на юге Германии, причем просили «захватить с собою Антона Рубинштейна и Глинку», умершего в 1857 году... В 11 дня все вместе вышли погулять по саду. Было ветрено, холодно. Гуляли долго и изрядно озябли. Петр Ильич предложил согреться бегом наперегонки. Наметили дерево впереди — и побежали. Самому быстрому в качестве приза достался рыжик, обнаруженный Петром Ильичем... За обедом Чайковский говорил о своей новой симфонии. Гости спросили, почему он не напишет концерт для виолончели. Петр Ильич ответил вопросом: «Что же вы не играете моих вариаций?». Поппавский стал сыграть на технические трудности произведения. Тогда Петр Ильич шутливо промолвил: «Играть не умеете, а надоедаете»... А потом сообщил, что собирается написать концерт для флейты... После обеда сходили в город, а вечером отправились в Москву. 9 октября Чайковский выехал из Москвы в Петербург, где 16 октября дирижировал своей 6-й симфонией, а 25 октября в 3 часа утра его не стало.

Первое время «милое клинское убежище» сохраняли в неприкосновенности родные и близкие. А в 1921 году Дом-музей П. И. Чайковского был национализирован как культурно-исторический памятник, имеющий общегосударственное значение. Он стал местом паломничества тысяч людей всех стран света.

В дни Великой Отечественной войны главные музейные коллекции находились на родине Чайковского — в Воткинске. Когда немцы ворвались в Клин, один из их

танков, поломав террасу и изгородь, в'ехал в сад. Огостелые оккупанты устроили в доме гараж для мотоциклов. Они хозяйничали здесь, как дикие звери. До сих пор на кожаном диване в комнате Модеста Ильича виден след нацистского сапога.

Как только немецкие захватчики были изгнаны из Клина, в Доме-музее начались восстановительные работы. 1 мая 1945 года его двери снова открылись для посетителей.

С чувством неизъяснимого волнения люди осматривают жилище творца самой любимой, самой человеческой, самой понятной народу музыки, ясной, как луч солнца. В книге посетителей они оставляют записи, преполненные восторга и гордости тем, что Чайковский — представитель великой русской нации. Вот как выразила свои впечатления студентка А. Сергеева, посетившая музей 29 января 1948 года:

«С благоговением вступила на порог дома, в котором жил и творил свои чудесные произведения мой самый любимый композитор. Неужели сам Петр Ильич ходил по этим комнатам! Дивный, необыкновенный Чайковский! С его именем у меня ассоциируется все самое прекрасное в жизни. «Евгения Онегина» люблю бесконечно, перед «Никовой дамой» преклоняю колени, «Черевички» слушала четыре раза и готова слушать без конца. А Четвертая, а Пятая симфонии! Да разве перечислишь все вещи его, в которые влюблена бесконечно.

И как горжусь, что Петр Ильич, гордость России, — наш, русский!»

Таких записей в книге посетителей очень много.

Если твой путь, читатель, когда-нибудь будет лежать через Клин, вспомни: здесь святыня нашего народа. Здесь жил создатель волшебной музыки, создававший бесценное богатство твоей Родины.

Вот перо на письменном столе, что стоит в кабинете-гостиной. Не им ли Чайковский в творческом порыве набрасывал на бумагу нотные знаки Шестой? Вот рояль — подарок почитателей композитора. Костяшки клавиш пожелтели от времени. Приходят на память слова друзей Чайковского о том, что

все звуки в природе представлялись ему в виде фортепианных клавиш, а всякая мелодия являлась его слуху уже инструментальной... Вот пикаф, в котором собраны произведения величайших композиторов мира. Большой ряд томов в тисненых золотом переплетях — это произведения Моцарта, которого Чайковский боготворил и называл «Рафаэлем музыки». Это подарок издателя и друга Петра Ильича — П. И. Юргенсона.

Проидем в спальню. Кровать. Туалетный столик. Шкаф с книгами на иностранных языках. Дорожные коробки и чемоданы — неизменные спутники Чайковского. А вот и драгоценная реликвия — сосновый рабочий стол с приставленным к нему обыкновенным венским стулом...

Дом-музей П. И. Чайковского с его подлинной обстановкой и утварью, документами и фотографиями, нотной и книжной библиотеками — это живая и волнующая книга о жизни и творчестве нашего замечательного соотечественника, которую с трепетом читает каждый посетитель. Понытны чувства В. Карганиной и Л. Фаворской, которые 1 февраля 1948 года оставили в книге посетителей такую запись: «Гордость наполняет сердце, гордость русских людей, что только наш великий народ мог дать миру такого гениального человека».

* * *

...Над усадьбой гаснет зимний день. В саду на морозе стынут одинокие деревья, отбрасывая на холмы сугробов голубые тени. Мягким нетронутым снегом засыпаны дорожки. Тускло поблескивает медь дощечки на парадной двери:

Дома нет, просьба не звонить.

Чайковского нет. Но музыка его бессмертна, как бессмертен народ, верным сыном которого он был.

И. АРТАМОНОВ.

Клин Московской области.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

18 февраля 1948 г. 3 стр.